

Вступление

В тот, теперь уже далекий, летний день 1903 года Царское Село изнывало от иссушающего зноя. Весь его достаточно бестолковый ландшафт затвердел под палящим солнцем, как пережаренный пирог. В городе нечем было дышать — не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка, не колыхался ни один лист на деревьях, а штандарты на императорском дворце безнадежно обвисли.

У кого имелась возможность выбраться на природу, чтобы там, под сенью крон, близ живой влаги рукотворных водоемов, дать отдохновение разгоряченным телам, пользовались ею. Вот и пожилой крестьянин Яков Укладчиков, испытывавший на себе прелести крепостного права, а ныне доживавший дни на собственной делянке, в развалюхе под соломенной кровлей, решил остудить старые кости и похромал к зеленой рощице, что разрослась под горушкой.

Яков жил в Царском Селе более семидесяти лет, с самого рождения. Он помнил, как на въезде

в город со стороны Петербургского шоссе ставили чугунные Египетские ворота. Помнил, как по первой в России железке прополз окутанный паром локомотив, как падали в обморок при виде этого небывалого дива слабонервные барышни и впечатлительные селянки. На его глазах городок рос и процветал. Наличие царской резиденции гарантировало образцовый порядок на улицах и своевременное появление различных благ цивилизации, которые даже до столиц не добирались с такой быстротой.

В конце прошлого века в Царское Село протянули телефонную линию и построили мощную электростанцию, оно стало первым в Европе полностью электрифицированным городом. Даже в халупке Якова вместо лучин и коптилок появились стеклянные баллоны, источавшие немислимо яркий свет. А год назад затеяли переделывать систему городской канализации — с отдельным стоком, да еще и с системой биологической очистки отходов, чего не было нигде в стране. Для уничтожения мусора английская фирма «Горсфоль» соорудила специальные печи, причем высвобождавшаяся от сжигания отходов энергия не пропадала даром, а шла на отопление.

Жена Якова, отсталая и безграмотная, все эти новшества осуждала, сетовала, что они мешают ей проживать в спокойствии и религиозном благочинии. Но сам Яков, куда более любознательный,

освоивший на шестом десятке грамоту и почитывавший рубрику «Слухи и вести» в «Петербургском листке», был куда более восприимчив к свежим веяниям. Он вдохновенно живописал своей Прасковье, какая лепота настанет, когда по городу зачнут ездить самобеглые бензиновые коляски. А потом, того и гляди, воздвигнут причальную вышку для дирижаблей, и можно будет махнуть отседова хоть в Гельсингфорс, хоть в Варшаву, а хоть и в Москву. Закоснелая в своем недоразвитом мышлении супруга в ответ только крестилась, поминала огненную геенну и твердила о неизбежной расплате за грехи неразумного человечества. Ей мнилось, что именно здесь настанет конец многовековой монаршей России, и она не желала при этом присутствовать. Когда ей делалось особенно тревожно, она уговаривала мужа бросить Царское Село, продать дом и переехать куда-нибудь в глушь, где потише и нет дьявольских искушений. Яков только отмахивался, считая все это глупыми безосновательными бреднями.

Сегодня он звал жену с собой искупнуться, но она отказалась наотрез. С возрастом Прасковья, и без того нелюдимая, совершенно замкнулась в себе, не выходила дальше огорода, окруженного высоким тыном, и старалась как можно реже показываться на людях. Яков в какой-то степени понимал ее женскую стыдливость: и так-то не красавица, нос картошкой, глазенки маленькие, выпучен-

ные, а с годами еще и морщин добавилось — хоть Бабу-ягу рисуй. Но с другой стороны, старение — процесс естественный. Чего стыдиться?

Ладно, не хочет, так не хочет. Яков уже привык везде ходить один, отсутствие компании его несколько не обременяло.

Он знал неподалеку от дома уютный прудик. В отличие от многих других царскосельских водоемов, переполняемых в жару купальщиками и развеселыми лодочниками, этот не пользовался популярностью, был дик и утопал в первозданной растительности. Ни тебе дощатых мостков, ни кабинок для переодевания, ни лотошников с горячими пирожками. А все потому, что кто-то давным-давно пустил сплетню, будто тут тьма-тьмущая пиявок. Яков эти толки не поддерживал, но и не опровергал, хотя за время купаний ни одна из сих противных тварей к нему не присосалась. Наоборот, вода в прудике, несмотря на обилие донной тины, всегда казалась прозрачной, как слеза младенца. Из-за малой глубины она отменно прогревалась, и плескаться в ней было истинным наслаждением.

Правда, в последнее время объявилось в городке несметное количество военных. Оно и понятно: всероссийский самодержец почти совсем забросил Питер, днюет и ночует в загородной усадьбе, с ним и семья в полном составе. Министры с докладами приезжают, совещания устраивают. Куда ж без охраны! Тем паче гуторят, будто

вскороги война с японцем может начаться. Бдительность превыше всего.

Вчера еще лежал себе прудик безмятежно, точно капля росы в детской ладошке, а сегодня возникли откуда-то проволочные ограждения на столбах. Таблички к ним прикручены с черепами нарисованными. Яков остановился, поскреб затылок — он ничего не понял. Какие черепа, откуда ограждения? Он излазил здесь каждый вершок, но никакой опасности не наблюдал. В прудике водились разве что ленивые карпы и пучеглазые лягушки, иногда забредали на водопой лисы и зайцы. Опасного зверья в Царском Селе и окрестностях не водилось уже лет полтора.

Помявшись, Яков воровато поднырнул под проволоку. Ну вас! Дай волю, так со своими охранными мерами совсем простому люду кислород перекроете. А нынче не петровские времена, люд — он в разум вошел, о правах и свободах представление имеет. И незачем его лишний раз драконить.

На берегу пруда все было как раньше. Мирно стрекотали цикады, пересвистывались укрывшиеся в осоке мелкие пичужки. Убедившись, что в зарослях не дежурят солдаты с винтовками, Яков хекнул и потянул через голову задубелую от пота рубаху. Распустил веревочки, скинул домотканые портки и, оставшись в намотанном на чресла лоскуте, как неандерталец в набедренной повязке, сунулся в пруд.

Разбежалась в стороны ряска, поодаль высунулась и вновь скрылась рыба морда. Яков пошел вперед, приседая и изготавливаясь для нырка в прогретую парную воду. Внезапно его нога наткнулась на что-то продолговатое и осклизлое. Он подумал сначала, что попалась коряга. Нагнулся, подождал, пока сойдет рябь и обмер с подогнутым, как у цапли, коленом.

Перед ним, на дне, лежал утопленник — покойно, со смеженными веками и скрещенными на груди руками. В его длинных русых волосах резвились головастики. Был он молод, лет двадцати, щеки покрывал легкий пушок, а широкая грудная клетка и бугры мускулов свидетельствовали об изрядном физическом развитии. Яков не мог определить, был ли он абсолютно гол, ибо тело ниже живота прикрывал, на манер пледа, коричневый коврик из водорослей.

Яков зашлепал губами, творя первую пришедшую на память молитву. Обычно он молился нечасто, по большим праздникам, когда ходил с Прасковьей в церковь. Но тут прорвало с перепугу. Он заставил себя присмотреться к несчастному. Наружных ран не видно, но они могли быть на спине. Впрочем, непохоже, чтобы он с кем-то боролся и принял насильственную смерть от чужих рук. Не иначе самоубийца. Яков прежде видел их, но только повешенных.

Он огляделся кругом — теперь уже в надежде

усмотреть живую душу и позвать на помощь. Никого. Прудик, разом утративший свою милую патриархальность, зловеще затаился, словно выжидал.

Яков погрузил в воду дрожащие руки, чтобы приподнять утопленника, но тот неожиданно распахнул глаза — они оказались небесно-голубыми — и без посторонней подмоги высунул голову из пруда. Яков закрестился истовее, чем это делала Прасковья в минуты панических атак. А оживший мертвяк улыбнулся ему и вдруг, цапнув за предплечье, потащил к себе.

Враз вспомнились женины предостережения: и про тихие омуты, и про бесовщину, витающую над Царским Селом, и про возмездие за прегрешения... Яков дернулся что было силы, лягнул врага костистой пяткой. И — вырвался.

Взметая брызги и скользя по илистому дну, он в три прыжка достиг берега, выскочил как ужаленный и обернулся. Молодой утопленник стоял в воде по пояс, облепленный кружочками ряски, и грозил ему пальцем. Яков схватил валявшиеся в траве портки с рубахой и пустился прочь от берега.

По-лосиному раздувая бока, он добежал до проволочного ограждения. Лоскут на бедрах разматался, того и гляди свалится. Яков прихватил его рукой и принялся заталкивать мокрые ступни в штанины. Кое-как натянув портки, он взялся за рубаху, но ивняк закачался, и над ним всплыла лохматая голова утопленника. Яков бросил ру-

баху, прошмыгнул ужом под проволокой и, как был, с обнаженным мосластым торсом, припустил к своей хибаре.

Там он с порога повалился в ноги своей старухе, стал лепетать что-то невразумительное, каяться и биться лбом о половицы. Прасковья смотрела на него, как на сумасшедшего, и капала ему на макушку пахучее миро из склянки. А Яков, выговорившись, кинулся к божнице, вынул из-за нее все семейные сбережения, заботливо увязанные в кожаный кисет, и объявил, что завтра же надобно уезжать из Царского. Прасковья впала в ступор, гадая, радоваться ли ей исполнению заветного желания или причитать над мужем, который явно не в себе. Она достала из погреба бутыль самогона и робко подсунула Якову, как проверенное лекарство от нервов. Однако он самогон отринул, сказав, что рассудок нужен тверезый и вообще некогда расслаживаться. Пусть жена укладывает скарб, а он пойдет искать покупателей.

Дела были устроены с курьерской быстротой: дом и скотина проданы, вещи собраны, и вскоре под непонимающими взглядами знакомцев подвода увезла Якова с Прасковьей из Царского Села. Куда они делись, где осели и как сложилась их дальнейшая судьба, история умалчивает. В нашем скромном повествовании их присутствие больше не требуется.

Глава I,
в которой Вадиму Арсеньеву
выпадает дальняя дорога по казенной
надобности

Ровно через двадцать три года после описанных выше событий, в августе 1926-го, новенький шведский паровоз марки «Эш» волочил по рельсам на восток состав из пяти вагонов. Позади остались Москва, Пермь, Казань, а впереди, в розовой дымке, вырисовывались очертания Уральских гор. В вагонах размещалась вперемешку всякая всячина: книги, переданные из столицы для отдаленных изб-читален, школьные учебники, агитационные материалы, корреспонденция. Помимо прочего имелись мешки с ассигнациями в бронированных ящиках — зарплата для рабочих с заводов Каменного Пояса. Все это добро стерегли четверо красноармейцев, вооруженных винтовками и пулеметом «Шош». Они дремали в переднем вагоне, балагурили и нюхали табак (курить в поезде, по причине обилия бумажной продукции, строжайше возбранялось).

Кроме них присутствовали еще два пассажира, оба ехали из Москвы. Один — высокий брюнет

лет тридцати, одетый в комиссарскую кожанку, чисто изъяснялся по-русски, лишь слегка раскатывая звук «р-р» в начале слов. Второй — пожилой немец, кутавшийся, несмотря на теплую погоду, в длиннополое пальтишко и насвистывавший баварские народные песенки. Брюнета звали Вадимом Арсеньевым, он являлся сотрудником особой группы при Специальном отделе Объединенного главполитуправления. Немец по фамилии Фризе состоял при той же группе в должности врача. В почтово-багажный поезд они попали благодаря личному распоряжению наркома путей сообщения товарища Рудзутака. Велено было отвести им персональный закут и не чинить никаких неудобств.

Пассажиры оказались нетребовательными. Они выбрали себе угол в теплушке, отгородились рулонами агитплакатов и негромко переговаривались, никого не тревожа и ни о чем не прося. У них были свои торбы с пайками, чайник, водились, наверное, и деньги.

Куда и зачем они ехали? Красноармейцев-охранников этот вопрос интересовал слабо. Они бы очень подивились, узнав, что и сами особисты не осведомлены о конечной цели своего путешествия.

Вадим незадолго до отъезда завершил весьма сложную и опасную операцию, вернулся из Ленинграда в Москву и планировал немного отдох-

хнуть, прийти в себя¹. Тем более что очнулась после продолжительной болезни его невеста — лопарка Аннеке, приехавшая с Крайнего Севера. Не тут-то было. Распоряжением председателя ОГПУ Вячеслава Менжинского его отправили в новую командировку — едва дали время нехитрый багаж в вещмешок утоптать.

Вадим подозревал, что такая срочность неспроста. Не исключено, что он чем-то мешает вышестоящему руководству, и оно намерено поскорее сплавить его куда-нибудь в глухомань, откуда он не факт что возвратится. Догадку подтвердил его непосредственный начальник, шеф особой группы Александр Васильевич Барченко. Он встретился со своим подопечным и переговорил с ним накоротке, пока тот у себя в коммуналке в Нагатино лихорадочно соображал, что из первоочередного взять в поездку, которая затянется неизвестно на сколько.

— Вы, Вадим Сергеевич, в щекотливые сферы вторглись. Недосуг мне нынче мыслию по древу растекаться, изреку одно: ваше рвение в расследованиях кое-кого припугнуло. Вот и хотят отправить вас в края отдаленные, дабы ретивость вашу поумерить... ну и чтобы в Москве лишний раз не светились.

---

¹ Подробнее об этой истории читайте в романе Александра Ружа «Охота на черного короля».

— Александр Васильевич, в чем я виноват?

— Ни в чем. Политика — область тонкая... Закулисные игрища, подводные течения. И есмь человецы влиятельные, противу чьих решений аз бессилен. Так что придется вам смириться. Авось обойдется, и вернетесь в целости и сохранности...

Единственное, чем сумел порадовать Барченко своему любимцу — взять на временное попечение Аннеке и дать ему в компаньоны Фризе. Отправил бы четверых-пятерых, но и на одного-то высокие инстанции согласились со скрипом.

Фризе Вадим выбрал сам. Сперва держал на примете Макара Чубатюка, матроса-великана, способного в одиночку одолеть целый взвод, но передумал. Макар при Александре Васильевиче — и шофер, и телохранитель, един во многих лицах. Нельзя его с шефом разлучать, тем более надолго. Прочие сослуживцы тоже были как на подбор, каждый со своей сверхспособностью: кто босиком по углям расхаживал, кто будущее предсказывал не хуже Нострадамуса, кто из оков и цепей высвобождался. Бери любого — не пожалеешь. Но Вадим остановил выбор именно на Фризе. Коренной мюнхенец, попавший в русский плен в мировую войну, хоть и не переставал считать себя истым бургером, давно уже свыкся с нравами и обычаями новой родины. Способный врач, он умел лечить пациентов как лекарствами, так и пассами — водил рукой над больным местом, что-то

пришептывал, и иногда случалось чудо, боль отступала. В общении он был вполне комфортен: в меру молчалив, в меру разговорчив, в душу не лез, позволял себе философствовать, но в пределах разумного. Такой спутник никогда не утомит и не вызовет раздражения, что немаловажно в экспедиции, от которой не знаешь, чего ожидать.

Сейчас Вадима больше всего нервировала неопределенность. Он был в пути уже несколько суток, успел отлежать бока на жестких полках, но до сих пор не представлял себе, куда и для чего направлен. Маршрут состава заканчивался в Тюмени, до нее Вадиму и выдали предписание. Однако присовокупили, что это не есть конечный пункт. Далее поступят новые инструкции по телеграфу.

Что за дурацкая секретность! Неужто там, в Сибири, где один глаз на тысячу квадратных километров, есть что достойное внимания специалистов из особой группы и следует обставлять с таким пафосом? Вадим, естественно, понимал, что жизнь за окраиной Москвы не заканчивается, но знать бы, к чему готовиться!

Своими терзаниями он делился с Фризе. Тот, степенный и невозмутимый, гудел в ответ:

— Зашем волноваться? Провиант есть, колеса есть... Зер гут! Ихь райзе... я думайт, что я путешественник. Красота! — Он показывал на окно теплушки, за которым промелькивали кривые ел-

ки. — Получайте удовольствий и не загружайте голофа!

Фризе легко, он так воспитан. А Вадим, как ни уговаривал себя, к стоическому расположению духа так и не приблизился.

Мелкие станции поезд проскакивал, делая остановки там, где полагалось сгружать почту. В Свердловск прибыли ночью, где простояли с полчаса. Здесь из бронированных ящиков выгребли часть мешков с деньгами, зато взяли самоцветы — редкие, отборные, предназначенные для Гохрана. На обратном пути из Тюмени их надлежало доставить по назначению.

Вагон-хранилище накрепко задраили, но состав все еще не трогался — ему по какой-то причине не давали зеленый свет. Фризе вышел в тамбур, приоткрыл дверь, обстоятельно подоткнул пальто, чтобы не испачкать, и сел на чурбак, который принес из тендера и использовал вместо скамейки. Ночь выдалась прозрачная, над Уралом висели лупастые переливчатые звезды.

По перрону застучали подошвы цивильных ботинок, и на подножку вскочил мужчина лет сорока в парусиновом костюме, выпуклых очках и с усами вразлет, делавшими его похожим на эсера-боевика времен лихих эсов первой русской революции. В руке у него мотылялся портфельчик из драной рыжей кожи.

— Москва? — выдохнул он. — Уф!.. Служебный?

Фризе меланхолично кивнул.

— Успел!.. — Усач, цепляясь за поручни, проворно вскарабкался в тамбур. — Я из наркомпочтеля.

Он, очевидно, принял истуканствовавшего на чурбаке немца за какого-нибудь дежурного. Тот и бровью не повел. Эшелон казенный, мало ли какие государственные люди имеют право в нем ездить.

Ступив в душное нутро вагона, усач споткнулся, потер ушибленную голень, поискал глазами свободное место, не нашел и, недолго думая, завалился прямо на коробки с книгами. А что? Ложе мягкое, и сны на нем, как подумалось Фризе, должны посещать не праздные, а спасительные для душевной субстанции и полезные для серого вещества.

Вадим в этот поздний час уже спал, поэтому с новым попугачиком познакомился только следующим утром. Проснувшись, он увидел его, сладко потягивавшегося в мятом костюме, с подложенной под голову шляпой, и вопросительно повернулся к Фризе. Тот полушепотом поведал о ночных событиях. А скоро и сам представитель наркомата почт и телеграфов восстал ото сна, с хрустом развел худые руки, учтиво поклонился и отрекомендовал себя:

— Александр Арбель. Можете звать меня попростому — Сашей или Шурой.

— Ви есть дойч? — Фризе взглянул на него поновому. — Нерусский фамилий...

— Совсем не угадали... уф!.. — У усатого, по всей вероятности, были проблемы с легкими, его дыхание то и дело сбивалось. — Я из Смоленска, мой папа тамошний священник. Мечтал и меня по той же стезе направить. А я чем только в жизни не занимался! И в театре выступал, и на скрипке в цирковом оркестре поигрывал, и юридической практикой занимался... — Арбель расправил скомканную шляпу и взглянул на заоконный пейзаж. — Когда мы будем в Москве? Я находился в Свердловске с проверкой от комиссариата, везу отчет. Его еще, кстати, надо доделать... уф!..

— Москва? — вылупил Фризе белесые зрачки. — Но ми ехаль нах Ост. Москва совсем в другой сторона.

Арбель опешил.

— Как в другой? Вы же мне давеча сказали...

— Сказаль, что поезд из Москва. Яволь! Мы ехайт Тюмень, назад не скоро...

— Это правда? — Канцелярист повернулся к Вадиму: — Мы едем в Сибирь?

— Точно так. А вы не знали?

Выяснилось, что Арбель ночью впопыхах перепутал составы. Эта новость произвела на него сильное впечатление, он взъерошил руками волосы, закачался на пачке с географическими учебниками и патетически воскликнул:

— Я идиот! И что мне теперь делать? Прыгать на ходу?..

Не понравился он Вадиму. Неврастенический порывистый интеллигентик. На театральных подмостках такие хороши — заламывают руки, проносят пылкие речи. Но в жизни от них лучше держаться подальше. Они будут учить тебя жизни, загружать высокоумными сентенциями, однако, случись форс-мажор, сразу растеряются и станут беспомощнее новорожденных.

Вслух, конечно, Вадим ничего этого не сказал. Он деликатно напомнил, что вокруг тайга, и выпрыгивание из поезда ни к чему хорошему не приведет.

— У вас же нет желания блуждать здесь до скончания века? Проще доехать до следующей крупной станции, там вы сможете сойти и подождать обратного состава.

— А когда он пойдет?

— Кто бы знал...

Регулярные пассажирские перевозки в Зауралье еще только налаживались, и Вадим понятия не имел, существует ли четкое расписание.

— Что вам мешает доехать с нами до Тюмени и вернуться этим же поездом?

— До Тюмени? — Арбель задумался. — Но это верст триста... уф!.. Потеряю уйму времени.

— Быстрее не получится.

— Русиш айзенбан... железный дорога... очень длинный! — присовокупил Фризе. — От штацион

до штацион — целый вечност. Герр Вадим давал кароши совет!

Арбель послушался и прыгать из вагона не стал. Невзирая на свою эмоциональность, он был неглупым человеком, умел просчитывать на будущее и избегать безрассудных поступков.

В портфельчике у него, кроме убористо исписанных листков, нашлась банка вареной фасоли. Он хлебосольно выставил ее на общий стол.

Вадим оценил щедрость негаданного попутчика и тоже не стал жмотиться: угостил его салом, сухарями и кетовой икрой из гэпэушных пайков. Фризе выудил заветную флягу со шнапсом, обед сделался еще колоритнее и затянулся до темноты.

К вечеру локомотив сбавил ход. Лес обступал железнодорожную колею так тесно, что ветки хлестали по вагонам и в летнюю сушь любая искра из паровозной трубы могла обернуться пожаром.

До Тюмени оставалось верст тридцать, когда Вадим, обладавший уникальным слухом, различил сквозь ленный перестук колес звуки, которые ему не понравились. Это был цокот лошадиных копыт.

— За нами едут. Всадников десять-двенадцать. Галопом...

— Конный разъезд? — поднял брови Арбель. — С чего бы? Хотят о чем-то предупредить?

— Боюсь, никакой это не р-разъезд. Местные головорезы. Прознали, что в поезде деньги и ценности, и р-решили устроить охоту...

Предположение Вадима имело свой резон. Лет пять назад советская Сибирь буквально кишела бандитскими формированиями — то были в основном остатки недобитой белогвардейщины. В результате массовых зачисток и масштабной кампании по изъятию у населения оружия криминальная обстановка заметно улучшилась, однако в лесах, вдалеке от городов, все еще водились шайки грабителей, промышлявших налетами на поезда.

— Во ист ди полицай? — заворчал Фризе. — Как можно оставляйт поезд без настоящей охрана в темный чаща?

Вадим посмотрел на Арбея: запаникует? Но тот повел себя хладнокровно — окинул взглядом вагон, как бы определяя, где лучше занять позицию, если придется обороняться, после чего откинул полу парусинового пиджачка и извлек из кобуры американский шестизарядный «смит-вессон» сорок пятого калибра.

— Вы, я гляжу, серьезно подготовились! — не удержался Вадим от иронической ремарки.

— Меня не развлекаться отправили... уф! — буркнул конторщик. — И не в Сокольники, а на Урал.

Вадим счел, что для пререканий сейчас не лучший момент. Они с Фризе тоже были вооружены, но пистолеты «ТК», в просторечии «коровы», значительно уступали мощному ковбойскому револьверу.

— Надо предупредить машиниста и бойцов из первого вагона. Они, наверно, еще ничего не слышат.

— Давайте, я! — Арбель с готовностью поднялся.

— Сидите. Будете с Фризе прикрывать тыл. Когда бандиты поравняются с хвостом поезда, стреляйте.

Отдав распоряжения, Вадим вышел в тамбур, открыл дверь и, ухватившись за нее, полез на крышу. Поезд шел медленно, болтало несильно, поэтому акробатический этюд удалось исполнить без особенных затруднений.

Ночь уже сгустилась до кромешности, ее разрывали лишь огоньки паровоза, но Вадим, помимо прочих достоинств, обладал еще и феноменальным зрением — ему не требовался свет, чтобы разглядеть мельчайшие детали. Угнездившись на крыше теплушки, он устремил взор назад и различил вдалеке, за составом, дюжину прыгающих точек. Так и есть — конники, скачут во весь опор по рельсовому пути и неширокой насыпи. Не гикают, не стреляют — молчат, стараясь до поры не обнаруживать своего присутствия. В руках у них обреза и наганы. Если бы застигли врасплох, покрошили бы в мелкий винегрет. Но теперь эффекта внезапности не будет. Вадим, пригибаясь, побежал по крышам вагонов к паровозу. По его прикидкам, времени было достаточно. Преследо-

вателям потребуется минут пять, чтобы настичь эшелон. Важно, чтобы красноармейцы не сплеховали, отбились грамотно.

Добравшись до первого вагона, он лег на живот, свесился с крыши и рукояткой «ТК» забарабанил в окно. Просыпайтесь, чертовы сони!

Никто не отозвался. Вадим взялся левой рукой за выступ на ребристой крыше, вывернул шею и, свесившись еще ниже, заглянул внутрь. Глазам его предстало зрелище, от которого волосы встали дыбом. Трое охранников в неестественных позах лежали на полу в лужах крови, а четвертый — по прозвищу Кощей, сутулый, с крючковатым носом и седеющими патлами — корежил прикладом нестораемый ящик, в котором лежали ценности. Он увлекся так, что и стука в окно не расслышал. А может, принял его за шлепок ветки с толстыми налитыми шишками.

До Вадима дошел весь смысл преступной комбинации. Кощей был засланным, втерся в сопровождающую команду, а его пособники должны были подключиться на завершающем этапе. Он знал, что в Свердловске груз пополнится дорогими самоцветами, а на перегоне до Тюмени, в безлюдной тайге, поезд сбавит скорость. Кощей расправился с задремавшей, ничего не подозревавшей охраной (вон и окровавленный нож за ремнем торчит) и теперь поджидает сообщников, чтобы передать им содержимое ящика и дать тягу.

В голове у Вадима завертелись шестеренки счетного механизма. Минуты через три всадники будут здесь. Их больше десятка, вдвоем Арбелю и Фризе не сдержать натиска. А помощи ждать неоткуда. Если и живы машинист с кочегаром, что взять с гражданских? А все оружие заперто в вагоне, где хозяйничает Кощей...

Значит, надо проникнуть туда и обезвредить гада! Времени в обрез, двери, ведущие в вагон, законопачены изнутри. Остаются окна. Вадим размахнулся и саданул рукояткой «коровы» в стекло. Сию же секунду он отдернулся, перекатился на бок и залег на крыше, поглядывая вниз.

Тут уж среагировал бы и мертвый. В выбитом окне показалась всклокоченная шевелюра Кощея. Он вглядывался в темень, пытаясь сообразить, что произошло. Подумал, верно, что это свои явились раньше срока и шалят, уверенные — все идет по плану.

Вадим не стал медлить и, спустив ногу, врезал ублюдку каблуком по шее. Может статья, перешиб позвонки. Тот задрогался и обмяк на ощеренных зубьях высаженного окна. Вадим, извернувшись, схватил его за ворот и попробовал вытолкнуть наружу, но Кощей засел прочно, мешковатое тело не поддавалось.

Ничего, зайдем иначе. Вадим переместился чуть вперед, навис над соседним окном и методично его раскрошил. Сосновые лапы хлобыстали

по лицу, сотнями игл раздирали кожу. Освободив проем от стекла, он соскользнул в вагон. Там тошнотворно разило кровавой юшкой. Избегая смотреть на трупы, Вадим подошел к Кощею, который заостенел, пропихнувшись головой в окно, однако был еще жив: слышались стенания. Влепить пару пуль в загорбок — и дело с концом. Вадим изладился для выстрела, но так и не сумел нажать на спусковой крючок. Он поддал коленом под тощий зад, и Кощей вывалился наружу. Выживет, не выживет — это уж пусть Всевышний маракует.

Ящик с деньгами и камнями, хоть и покореженный, был не вскрыт. Есть шанс доставить народное добро в неприкосновенности, надо только с бандой разобраться.

Едва он вспомнил про банду, воздух разорвала беспорядочная пальба. Это означало, что конный отряд поравнялся с замыкающим вагоном, и там Фризе с Арбелем приняли бой.

Самое разумное сейчас — поспешить им на ручку. В вагоне, превратившемся в мертвецкую, делать больше нечего. Вадим сгреб в охапку три винтовки, выпавшие из рук убитых часовых, и вытолкнул их через оконный прямоугольник на крышу. Он попал во что-то мягкое и услышал вскрик. Неужто бандиты уже захватили поезд?

Но то был не бандит. В окне показалась перевернутая голова Арбея.

— Вадим Сергеич, вы здесь?

А чтоб тебя... Сказано же было: не отходить от немца, прикрывать тылы. Какого хрена?..

— Вы не волнуйтесь, Фризе сказал, что продержится. Я ему свой револьвер отдал... уф!..

— А вы-то тут за каким лешим? — сердито спросил Вадим.

— Хотел удостовериться, что у вас все в порядке... Но вижу, не все.

Из-за облаков вынырнула луна, ее лучи проникли в вагон, и Арбель смог рассмотреть картину побоища. Вадим в двух словах рассказал об измене Кощея.

— Р-раз пришли, помогайте! — Он выволок из угла пулемет «Шоша». — Держите!

Арбель проявил смекалку и ни о чем не стал спрашивать, вытащив девятикилограммовую бандуру на крышу. Вадим набил карманы магазинами и присоединился к нему. Теперь они стояли на покато́й кровле теплушки вдвоем. Фризе держался, слышны были попеременные хлопки «ТК» и «смит-вессона», перемежаемые револьверными выстрелами, которыми осыпала поезд вошедшая в раж банда. Конники уже охватили последний вагон клещами, кто-то из них силился поймать вихляющуюся дверь (Вадим не закрыл ее) и прорваться в вагон.

— Я туда, а вы к паровозу!

— Зачем? — не понял Арбель.

Нет, все-таки чиновник — он и есть чиновник. Где-то смышленный, а где-то дуб дубом. Только и умеет, что бумагу марать.

— Затем, что, если будем р-резину тянуть, нас всех перестреляют! Скажите машинисту, пусть р-разгоняет паровоз до упора. Глядишь, оторвемся.

— Но я хочу с вами... туда... — Арбель блеснул очками в направлении, откуда долетал треск выстрелов.

— Не спорьте! Предупредите машиниста и сразу к нам. Выполняйте!

Любопытно, что Арбель даже не поинтересовался, по какому праву этот молокосос им командует. Не то поддался силе голоса, не то сам рассудил, что так будет лучше. Он повернулся на сто восемьдесят градусов и побежал к локомотиву. Вот и славно. Вадим отчего-то не сомневался, что поручение будет выполнено в точности. Но пока паровозная бригада скумекает, что к чему, и состав наберет скорость, пройдет не меньше четверти часа. Захотят ли сибирские гайдамаки так долго вошкаться с парочкой защитников?

Вадим расставил ноги пошире, вскинул к плечу винтовку. Шатало, но все же он поймал на мушку бандита, который нагло пер в вагон. Выстрелил. Голова грабителя дернулась, и он кубарем полетел в кусты. Одним меньше!

Ответный залп заставил его упасть плашмя. Пули роем пронеслись выше, кое-где распороли

одежду. Н-да, эти ребята не лыком шиты! Шайка явно собрана не из обиженных властью землепашцев, которые, побросав свои наделы, кое-как вооружились и ушли в дебри. Может, тут и бывшие колчаковцы присутствуют. Их без счета расплодилось по приуральским землям, всех еще выловить не успели...

Вадим приник к доскам вагонной крыши и стрелял прицельно — берег боеприпасы. К сожалению, позиция была не идеальная, выпущенные им пули большей частью пролетали над головами противников. Но он и не надеялся положить всю ораву. Основная цель — не позволить им пролезть в вагон, ибо тогда дела осажденного Фризе оказались бы совсем плохи. Немец и так сдал — «смит-вессон» умолк (видно, кончились патроны), отплевывалась одна лишь «корова».

Где Арбель, чего канителится? Вадим свирепо глянул через плечо, и тотчас громоподобное сщепок показало, что он был несправедлив к усатому конторщику. Состав лязгнул и стал потихоньку разгоняться. Из дымохода полетели снопы светляков, озарили насуспенную тайгу. Они просеивались через густые ветви, сыпались золотым дождем в мох. Эдак и впрямь до пожара недалеко... Но выбора нет: или рискнуть, или сдаться башибузукам. А они не пощадят.

Вот и Арбель! Выскочил, как чертик из табакерки, загремел ботиночками по вагонам. Бе-

жит во весь рост, балда. Подстрелят, как куропатку!

И точно — в выросшую на лунном фоне долговязую фигуру шмальнули сразу из пяти-шести стволов. Арбель упал и распластался, раскинув руки. Убит? Вадим неистово притянул к себе две винтовки и, приподнявшись на локтях, вмазал по бандлитской ватаге: раз, другой, третий... пока не опустели обоймы. Кого-то свалил с коня, прочие, не ожидавшие столь бурного отпора, шарахнулись под сень деревьев.

А Арбель и не думал умирать. Полежав чуток, он подполз ближе.

— Целы? — обрадовался Вадим, проникаясь все большей симпатией к этому нескладному, но, по всему видать, *правильному* человеку.

— Цел... уф!.. Плечо в двух местах расцарапало, — тот с сожалением тронул рассеченную ткань костюма, — но в общем, ерунда. — Арбель повел глазами, ища попятившихся преследователей. — Не отстают?

— Сейчас мы от них отделаемся. Берите винтовку, вот эту, в ней еще патрона четыре. Прикройте. А я им устрою праздник!

Вадим пополз вперед, таща за собой пулемет. Пристроился с ним на краю, выцелил шевелившиеся в зарослях силуэты, да и вжарил по ним очередь. Это стало для нападавших неожиданностью — они привыкли к тому, что враг огрызается

одиночными выстрелами. Истошно заржала подстреленная лошадь, кто-то тяжело упал на щебенку под насыпью.

Над ухом вжикнуло — это засадил из трехлинейки Арбель. Вошел в азарт, работник умственного труда! Жаль, близорук, нет гарантии, что попадет в кого надо. Вадим на всякий случай сдвинулся вбок и выбросил пустой магазин. Пулемет «Шоша» считался самым скверным из всех аналогичных видов стрелкового вооружения. Его часто заклинивало, сбивался прицел, а шестнадцать патронов в диске — и вовсе курам на смех. Две короткие очереди — и перезаряжай.

К счастью, поезд уже разогнался, и бандиты, чьи ряды заметно поредели, стали отставать. Вадим выпустил по ним еще два магазина и, уже не таясь, перескочил на последний вагон. Тревожило, что оттуда больше не доносятся «коровьи» щелчки. Что с Фризе, жив ли?

Дверь все еще хлябала, Вадим перемахнул на нее с крыши и сиганул в тамбур. Всадники, числом около семи, были в пределах видимости, они жакнули из револьверов, но с такого расстояния да на скаку меткость, как говорится, оставляла желать. Вадим ринулся в недра вагона, заваленные попадавшими с полок связками книг, и увидел на полу Фризе, сцепившегося со здоровенным типом. Вот те на! Оказывается, какой-то проныра заскочил-

таки в поезд. Немец схватился врукопашную — пригодились военные навыки. Но налетчик оказался массивнее: насел на него сверху и охаживал кулачищами.

Вадим выдернул из кармана «ТК» и зашел сбоку, чтобы ударом в висок свалить бугая. Тот заметил маневр, лягнулся, как норовистый конь, и ногу Вадима ниже колена пронзила резь. Вдобавок набравший быстроту поезд, закачался, и сохранить равновесие оказалось непросто. Вадима швырнуло к стене, сверху, шелестя, посыпались учебные пособия.

Бугай меж тем месил Фризе, словно комок теста. Неизвестно, чем бы это закончилось, если б в проходе не показался Арбель, державший за дуло винтовку. Он размахнулся ею, как былинный богатырь палицей, и огрел бандита по кумполу. Точно тюк с пшеном тот свалился с Фризе. Немец, хрипя, привстал, дошкандыбал до полки, сел на нее и выкашлял:

— Ду гейст мир ауф дэн зак... Грязный сфинья! Чуть меня не душишь...

Вадим растер ушибленную голень и подхромал к Арбелю, который, опустив винтовку, с интересом разглядывал поверженного Голиафа.

— Где вы так настропалились, Александр? Вас в наркомпочтеле приемам борьбы обучают?

— Нет... — Арбель отставил винтовку и шляпой вытер пот с лица. — Я после Гражданской

в Крыму инспектором уголовного розыска работал... уф!.. Доводилось разных субчиков брать — волей-неволей обучишься драться.

Фризе доковылял до лежавшего амбала, пощупал ему пульс, приподнял веки. Одобрительно прищелкнул языком:

— Знатный удар! Этот шнидель получат по заслугам.

— Убил я его? — осведомился Арбель, не выказав ни встревоженности, ни тем более жалости.

— Найн. Немного оглушаль... Очень крепкий копф... Чуть-чуть поболеть, и будет как нофый.

— Давайте-ка, мы его свяжем, пока не очухался, — предложил Вадим.

Арбель разматал бечевку, которой была перевязана коробка с букварями, но внезапно лицо его исказилось, и он как подкошенный рухнул на пол рядом со своей еще не пришедшей в чувство жертвой.

— Что с вами? — вскричал Вадим. Ему почудилось, что кто-то подстрелил канцеляриста через окно, хотя не слышно было никаких посторонних звуков, кроме звяканья колес на стыках.

Арбель не отвечал, только часто-часто моргал и скреб пятерней по груди, будто на него накатила приступ удушья. Фризе расстегнул на нем рубашку и в изумлении присвистнул:

— Вас ист дас? Что есть это?

Из-под рубашки выглядывала целлулоидная пластина, прилежавшая к коже, как доспех на древнем ратнике.

— Не понимайт... — Немец порылся в своем вещевом мешке, нашел пузырек с нашатырем, свинтил крышечку и сунул горлышко под нос клерку. — Ви меня слюшаль?

— Да... — одними губами проговорил Арбель. — Я слышу... уф!.. Сейчас полегчает, не пугайтесь.

— Что это на вас за латы? — поинтересовался Вадим.

— Давняя история... Я в войну туберкулез подхватил. Начались осложнения, парализовало ноги, шесть лет на больничной койке провалялся, в гипсовом корсете... уф!.. От меня из-за этого жена ушла, сказала: не для того я замуж выходила, чтобы с калекой нянчиться.

— Туберкулезен? Паралич? — Пальцы Фризе забегали по грудной клетке пациента. — Шмэрцен хэфтиге? Боль резкий? Ноющий? Бываль крампф? Судороги?

От его вопросов — четких, точечных — веяло профессионализмом. Никто бы не усомнился в компетенции такого уравновешенного, уверенного в себе специалиста. Арбель покладисто давал пояснения и между делом доканчивал свой рассказ:

— Потом мало-помалу стал вставать... Нет, здесь не болит... Расходился. Сперва с костылями, после с палочкой. В общем, болезнь отступила. А чтобы удобнее было... да, вот тут ноет... мне целлулоидный корсет сделали. Это во сто крат лучше гипсового, поверьте! Я и ходить смог, и бегать, и работать... уф!..

Закончив осмотр, Фризе потер белые руки, с длинными, как у пианиста, пальцами.

— Ви мужественный шелофек! Болезнь ваш сложный, но вы держайся молодец.

— Знаю, — невесело усмехнулся Арбель. — Меня все доктора хвалят. Только сделать ничего не могут. Спасибо, что не увечный. — Он, кряхтя, поднялся, пересел на топчанчик и застегнул рубашку. — Но не сказать, что здоров, как бык. Нетнет, да и находит... уф!..

— Ви нуждайся в терапия, — авторитетно изрек Фризе. — Мануаль. Цванцихь сеанс, и фсе пройдет. Ви снимайт ваш корсет и ходиль, как здоровый.

— Вы врач? — Арбель посмотрел на него. — Что у вас за методика?

Фризе самодовольно приосанился.

— Методик зупер! Лечиль много, помогаль много... Спрашивайт у камрад Вадим, он подтверждаль.

Вадим с готовностью подтвердил. Фризе с его нестандартными практиками зачастую оказывал

действенную помощь тем больным, от которых отказалась традиционная медицина. Не будь он сотрудником особой группы, давно бы сделал себе карьеру, но, в силу некоторых служебных ограничений, о его способностях знали, по большому счету, лишь в московских верхах. Знали и пользовались. Он не жаловался: для Фризе врачебное дело было не рутинной, а скорее, искусством, приносящим удовольствие, независимо от того, кто являлся объектом лечения.

— Заинтриговали, — хмыкнул Арбель. — Но нам с вами не по дороге... уф!.. Мне надо назад, в Москву, а вы, я так понимаю, следуете дальше на восток.

— Что вам мешает присоединиться к нам?

Вадим ляпнул не подумавши, и Фризе взглянул на него с недоумением. Их миссия, в чем бы она ни заключалась, вряд ли предполагала возможность откровенничать с окружающими. С другой стороны, нигде в инструкциях не прописано, что для успешного ее выполнения посланцы не имеют права привлекать к сотрудничеству лиц, чье содействие сочтут полезным. Так что никаких нарушений Вадим пока не усматривал. А Арбель — лицо официальное, снабжен мандатом и оружием, служил в угро. Чем не союзник?

— В качестве кого я с вами поеду? И на какие средства? Командировочных у меня было ровно до Свердловска...